

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.469-487>

УДК / UDC 330.1:330.3:330.8:338.2(470+571)

JEL: B41, E, O40, P

В. В. Вольчик¹,

И. М. Ширяев¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Экономическая идеология и экономическая политика в зеркале нарративов

Контактное лицо:

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет
E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science ResearcherID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Ширяев Игорь Михайлович, кандидат экономических наук, доцент экономического факультета, Южный федеральный университет
E-mail: shiriaev@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Web of Science ResearcherID: J-6072-2013

eLIBRARY SPIN-код: 8573-2555

Аннотация

Цель: исследование взаимосвязи экономической идеологии и политики в контексте российских постсоветских реформ с использованием нарративного подхода для анализа роли идей и интересов в формировании экономической политики.

Методы: историко-экономический анализ эволюции экономической политики и идеологических течений в России, машинный анализ текстов 134 тыс. научных статей (1992–2023 гг.) для выявления динамики идеологических трендов, качественный анализ нарративов через призму их практического воплощения.

Результаты: выявлены причины расхождений между провозглашенными либеральными целями реформ 1990-х и полученными результатами. На примере неудачной борьбы с инфляцией показано различие между провозглашенными целями политики (соответствующими идеологии либерализма) и ее реальными результатами – высокой инфляцией, противоречащей идеологии либерализма. Проанализированы ключевые теоретические нарративы, сопровождавшие реформы: «шоковая терапия», «невидимая рука рынка», «Вашингтонский консенсус», «приватизация и эффективные собственники», «монетаризм и контроль денежной массы», «теория сравнительных преимуществ», «государство как эффективный собственник институтов развития», «мобилизационная экономика», «национальные проекты»,

«модернизация и инновационная экономика», «экономика Русской цивилизации», «выращивание институтов», «экологизм как элемент геополитической стратегии», показана их трансформация от неолиберализма к дирижизму и этатизму. Выявлено, что реальная политика определялась компромиссами между группами интересов, а не идеологическими установками.

Научная новизна: предложена оригинальная интерпретация причин неудач либеральных реформ в России через конфликт интересов и неадекватность импортированных идеологий. Доказано, что импорт идеологий без учета местного контекста ведет к системным противоречиям.

Практическая значимость: результаты исследования позволяют лучше понимать механизмы влияния экономических идей и теоретических нарративов на реальную политику, что важно для оценки предлагаемых реформ и их потенциальных последствий.

Ключевые слова:

экономическая теория, идеи, экономическая идеология, теоретические нарративы, экономические реформы, экономическая политика, неолиберализм, инфляция

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/>, «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Вольчик, В. В., Ширяев, И. М. (2025). Экономическая идеология и экономическая политика в зеркале нарративов. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 469–487. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.469-487>

Scientific article

V. V. Volchik¹,

I. M. Shiriaev¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Economic ideology and economic policy in the mirror of narratives

Contact:

Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-code: 2539-2890

Igor M. Shiriaev, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: shiriaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Web of Science Researcher ID: J-6072-2013

eLIBRARY SPIN-code: 8573-2555

Abstract

Objective: to study the relationship between economic ideology and politics in the context of Russian post-Soviet reforms using a narrative approach in analyzing the role of ideas and interests in shaping economic policy.

Methods: historical and economic analysis of the evolution of economic policy and ideological trends in Russia; machine analysis of the texts of 134 thousand scientific articles (1992–2023) to identify the dynamics of ideological trends; qualitative analysis of narratives through the prism of their practical implementation.

Results: the article reveals the reasons for the discrepancies between the proclaimed goals and the results of the 1990s liberal reform. Using the example of the unsuccessful fight against inflation, the author shows the difference between the proclaimed policy goals (corresponding to the liberal ideology) and its actual results – high inflation, contrary to the liberal ideology. The key theoretical narratives accompanying the reforms are analyzed: “shock therapy”, “the invisible hand of the market”, “Washington consensus”, “privatization and effective owners”, “monetarism and money supply control”, “theory of comparative advantages”, “the state as an effective owner of development institutions”, “mobilization economy”, “national projects”, “modernization and innovative economy”, “economy of the Russian civilization”, “cultivation of institutions”, and “environmentalism as an element of geopolitical strategy”; their transformation from neoliberalism to dirigisme and etatism is shown. It was revealed that the actual policy was determined by compromises between interest groups, rather than ideological attitudes.

Scientific novelty: the author proposes an original interpretation of the reasons for the failures of liberal reforms in Russia through a conflict of interests and the inadequacy of imported ideologies. It is proved that the import of ideologies without taking into account the local context leads to systemic contradictions.

Practical significance: the results study allow for a better understanding of the mechanisms of economic ideas and theoretical narratives influencing the actual policy, which is important for assessing the proposed reforms and their potential consequences.

Keywords:

economic theory, ideas, economic ideology, theoretical narratives, economic reforms, economic policy, neoliberalism, inflation

Financial Support

This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/> “Ideological landscape of Russian economic science” at Southern Federal University.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volchik, V. V., & Shiriaev, I. M. (2025). Economic ideology and economic policy in the mirror of narratives. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(3), 469–487. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.3.469-487>

Введение

Понятие идеологии получило различные определения в экономической науке. В рамках нашего исследования мы используем следующее рабочее определение: «Идеология – это общие ментальные модели, разделяемые группами индивидов. С помощью этих моделей группы индивидов объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами проводимой политики, направленной на преобразование общества» (Вольчик, 2024. С. 28).

Понятие «экономическая политика» многогранно и имеет множество трактовок. Согласно определению в Большой российской энциклопедии, «экономическая политика – совокупность мер государства, целенаправленно воздействующих на национальную экономику в целом или на отдельные ее составляющие. Включает в себя такие разновидности, как макроэкономическая политика (денежно-кредитная; бюджетно-налоговая политика и их составляющие), антимонопольная, конкурентная, внешнеэкономическая, демографическая, промышленная, структурная, а также отраслевые и прочие виды»¹.

¹ Буклемишев, О. В. (2023). Экономическая политика. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». <https://bigenc.ru/c/ekonomicheskaja-politika-83a2e7>

В контексте структурных реформ политика обычно рассматривается в более узком смысле и включает два основных направления: «Экономическая политика должна быть направлена на поэтапное и сбалансированное достижение обеих целей: совершенствование институтов и стимулирование роста» (Полтерович, 2007. С. 282).

Разработка и продвижение мер экономической политики на практике часто связано с доминирующими в среде экономистов и общественном дискурсе идеологиями (Полтерович, 2017). В свою очередь идеология как совокупность ментальных моделей связана с группами акторов, коллективными действиями и коммуникацией посредством различных нарративов, включая теоретические (Roos & Reccius, 2024).

Использование нарративов для понимания процессов в экономике в последние годы получает все большее распространение в теоретических и эмпирических исследованиях. Например, именно нарративы рассматриваются как источники практически применимых знаний в условиях радикальной неопределенности (Tuckett et al., 2020). Концепт теоретических нарративов позволяет акцентировать внимание на сложных связях между идеологией как донаучным когнитивным актом, экономическими моделями и реальными процессами в экономике: «Через нарративы в обществе транслируется восприятие окружающего мира. В свою очередь, теоретические нарративы экономистов содержат идеологизированное понимание социальной среды, заложенное в определенных ментальных моделях. Поэтому важно понимать, как формируются теоретические нарративы, как они связаны с идеологией и каково их влияние на экономическую политику» (Вольчик, 2024. С. 23).

Теоретические нарративы экономистов могут быть очень устойчивы и влиять на экономическую политику на протяжении многих десятилетий. Бурное развитие экономической науки после Второй мировой войны связано с теоретическим нарративом рыночной эффективности, что впоследствии привело к длительному доминированию неолиберальных концепций в экономической политике (Berman, 2022).

Целью настоящей статьи является выявление взаимосвязи экономической идеологии и экономической политики на примере российских постсоветских реформ и их результатов, на основе применения нарративного подхода к анализу роли теоретических конструктов, идей и интересов в формировании и реализации экономической политики.

В условиях цифровой экономики и широкого распространения искусственного интеллекта роль нарративов, включая теоретические нарративы, становится все более значимой (Вольчик, 2025). Идеология, которая использует теоретические нарративы для оправдания экономической политики, тем самым формирует образ будущего как в академических исследованиях, так и в общественном дискурсе. Безусловно, исследования нарративов не заменяют экономического моделирования. С помощью нарративов мы можем показать, как убеждения могут формировать академическую повестку через идеологизированные «донаучные когнитивные акты» (Шумпетер, 2012). Также важно учитывать, что с помощью нарративов могут объясняться существующие или вымышленные причинно-следственные связи в плане экономической политики: «Поскольку формальные инструменты испытывают известные трудности в установлении причинно-следственных связей между прошлым и настоящим в ситуации радикальной неопределенности, эту задачу выполняют воображение и нарративы» (Svetlova, 2022. P. 851).

Использование подхода нарративной экономики для изучения связи экономической идеологии и экономической политики наталкивается на теоретическую проблему, состоящую в выявлении причинно-следственных связей между идеологией и политикой. Политика, проводимая под лозунгами некоторой идеологии, отнюдь не обязательно приводит к тем результатам, которые считаются желательными в соответствии с этой идеологией. Одним из примеров такого диссонанса является реализация либеральных рыночных реформ в России с результатами, отличающимися от либеральных идеалов.

Основная часть статьи включает следующие элементы: 1) краткий обзор существующих в экономической науке точек зрения относительно влияния идей и идеологий на выбор экономической политики; 2) анализ соотношения между идеологией реформ в России и изменением преобладающей идеологии в научных статьях по экономике; 3) на примере проблемы инфляции сравнение борьбы с инфляцией согласно неолиберальной идеологии, провозглашенным целям рыночных реформ и данным о динамике индекса потребительских цен; 4) выявление основных нарративов в экономических исследованиях, описывающих российские экономические реформы.

Результаты исследования

Идеи, идеология и экономическая политика

В экономической науке имеются две альтернативные точки зрения на значение идей при выборе политики. Согласно одной точке зрения, идеи имеют преобладающее значение для объяснения выбора. Из известных сторонников этой точки зрения можно отметить Дж. М. Кейнса и Л. фон Мизеса, которые, несмотря на свои идеологические и методологические различия, подчеркивали значимость идей.

Согласно Дж. М. Кейнсу, «...идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писателя, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей» (Кейнс, 2007).

Л. фон Мизес трактовал общество как продукт человеческой деятельности. «Человеческая деятельность направляется идеологиями. Таким образом, общество и любой конкретный общественный порядок являются результатом идеологий; вопреки утверждениям марксистов, идеологии не являются продуктом определенной структуры общества. <...> Деятельность всегда направляется идеями; она реализует то, что спланировало мышление» (Мизес, 2005. С. 177). Согласно Л. фон Мизесу, «...неразумно провозглашать, что идеи являются продуктами интересов. Идеи говорят человеку, в чем состоят его интересы» (Мизес, 2001. С. 103). «В мире реальной действительности, обстоятельства которого только и являются объектом научного поиска истины, идеи определяют то, что, как считает человек, будет соответствовать его интересам. Интересов, не зависящих от идей, не существует. Именно идеи определяют, что люди рассматривают в качестве своих интересов. Свободные люди действуют не в своих интересах. Они действуют в соответствии с тем, что, как они считают, будет способствовать их интересам» (Мизес, 2001. С. 106).

В современной российской экономической науке точка зрения о первичности идей была поддержана в работах В. М. Полтеровича. Согласно этому ученому, под воздействием экономической теории «формируется определенная идеология, от которой в свою очередь зависит экономическая политика государства. При этом новые научные достижения влияют на идеологию и, соответственно, на политику с определенным запаздыванием» (Полтерович, 2022. С. 207–208).

Согласно другой точке зрения, идеи не детерминируют выбор и не годятся как фактор объяснения выбора. Согласно В. Л. Тамбовцеву, ошибочно считать идеи причиной выбора некоторой политики. В качестве причин выбора В. Л. Тамбовцев рассматривает личный интерес, с учетом институциональных ограничений: «В конце 1980-х – начале 1990-х годов в области анализа политических процессов произошли некоторые изменения <...>, получившие наименование “идеационный поворот” <...>. Кратко его суть заключалась в том, что идеи, возникающие как у теоретиков, так и у самих политиков, не просто “имеют значение”, но могут выступать в качестве причин изменений в политике, включая политические институты и организации <...>. Этот подход резко контрастировал с предшествующими „материалистическими“ исследованиями, полагавшими причинами подобных изменений интересы – либо „национальные“, либо частные интересы политиков» (Тамбовцев, 2019. С. 27). Однако В. Л. Тамбовцев признает, что идеи оказывают определенное влияние на действия и решения индивидов: «Таким образом, идеи – какое бы содержание ни вкладывать в это понятие – влияют на решения индивидов и соответственно их действия, вызывающие те или иные изменения в социальной и природной среде, но причинами этих изменений их считать затруднительно» (Тамбовцев, 2019. С. 30). Идеи в таком подходе рассматриваются как некие инструменты, которыми пользуются индивиды. Соответственно, в данном утилитаристском понимании идеи являются объектом выбора индивидов, в зависимости от их выгодности для этих индивидов. «Таким образом, учет при выборе идеи (технологии по своей когнитивной природе – то же, что и причинные убеждения) выгодности ее принятия для субъекта, то есть личного интереса, наряду с факторами соответствия формальным и неформальным нормам, позволяет объяснить практические решения, которые принимают различные акторы» (Тамбовцев, 2019. С. 35).

Попытка синтеза этих двух различных интерпретаций роли идей и интересов в экономической политике была предложена Ш. Мукандом и Д. Родриком (Mukand & Rodrik, 2018). С одной стороны, они признают важнейшую роль интересов социальных групп в институциональных изменениях. Особое внимание к корыстным интересам предоставляет экономистам мощный концептуальный инструмент для анализа факторов выбора политики и отбора институтов. Но роль идей как факторов выбора политики также велика, хотя в данной трактовке идеи имеют инструментально-утилитарный характер. Политики пытаются убедить общественность, чтобы большинство поддержало новую политику или институциональные изменения. Это убеждение посредством идей может быть в двух вариантах: политики могут пытаться изменить мировоззрение электората, либо они могут пытаться изменить представление индивидов о своей идентичности. Некоторая ограниченность предложенной Ш. Мукандом и Д. Родриком модели обусловлена ее нацеленностью на объяснение поведения избирателей в условиях демократии. Проверка этой концепции на эмпирическом материале США представлена в статье Э. Эша, Ш. Муканда и Д. Родрика «Экономические интересы, мировоззрения и идентичности: теория и фактические данные об идейной политике» (Ash et al., 2021).

Также в рамках институциональной экономики существует точка зрения, что распространение идей может быть связано с формированием институтов. Во-первых, именно идеи, которые широко циркулируют в публичной сфере, становятся институтами. Во-вторых, идеи включены в конкурентный процесс, связанный с коммуникацией между акторами. В-третьих, идеи, становясь институтами, влияют на поведение (Markey-Towler, 2019).

В ходе изучения связи экономической идеологии и экономической политики важно учитывать эволюционные эффекты. Прежде всего, имеется зависимость от предшествующего пути развития в том, какие идеи получают поддержку у экономистов. Большую роль здесь играют полученное образование и доступ к литературе разной идеологической принадлежности. Экономисты старой закалки, получившие образование в советский период, хорошо знакомы с марксистской политэкономией и зачастую продолжают пользоваться соответствующими аналитическими инструментами, такими как трудовая теория стоимости и теория прибавочной стоимости, в дальнейшем, даже приняв более либеральную идеологию. Идеологическая миграция обычно не бывает резкой и существенной. В этом контексте особое внимание привлекает импорт идеологии. Изучение идеологических взглядов российских экономистов в ходе реформ 1990-х гг. в России требует учитывать заимствование либеральной идеологии из экономической науки западных стран.

Развитие идеологических течений в российской экономической науке иллюстрирует тот факт, что через образование идеологические установки могут долгое время значительно влиять на экономические исследования и политику через «видение экономики при построении моделей» (Тамбовцев, 2024. С. 15–18).

Мы можем наблюдать, как распространение идей о предпочтительности некоторой экономической политики сочетается с реально проводимой политикой. Спустя некоторое время после реализации мер экономической политики появляется возможность более беспристрастной оценки ее эффективности и соответствия провозглашенным целям.

Идеология неолиберализма и рыночные реформы

Общепризнано, что 1990-е гг. в России были периодом расцвета идей неолиберализма. В меньшей степени признанной, но крайне популярной точкой зрения является трактовка экономической политики и проводимых в тот период реформ в качестве либеральных.

Например, В. М. Полтерович рассматривал российские реформы 1990-х гг. как попытку воплощения рекомендаций Вашингтонского консенсуса. «Вашингтонский консенсус – список из десяти рекомендаций по проведению реформ» (Полтерович, 2007. С. 29), предложенных в 1989 г. американским экономистом Дж. Уильямсоном первоначально для латиноамериканских стран, а затем широко признанных как универсальные рекомендации. Вашингтонский консенсус включал следующие рекомендации: 1) обеспечение фискальной дисциплины, минимизация дефицита бюджета и избегание его инфляционного финансирования; 2) изменение приоритетов государственных расходов: уменьшение расходов на государственное управление, оборону, субсидирование и убыточные проекты, но увеличение расходов на здравоохранение, образование и инфраструктуру; 3) налоговая реформа: расширение налоговой базы и уменьшение предельных налоговых ставок; 4) финансовая либерализация, нацеленная на рыночное формирование процентных ставок; 5) еди-

ный обменный курс национальной валюты, ориентированный на интересы экспортеров; 6) либерализация внешней торговли: отмена количественных ограничений, достаточно низкие тарифы; 7) устранение барьеров для прямых иностранных инвестиций; 8) приватизация государственных предприятий; 9) дерегулирование – отмена норм, избыточно ограничивающих конкуренцию; 10) обеспечение защиты прав собственности (Полтерович, 2007. С. 29–30). Относительно данной трактовки одно сомнение состоит в том, что «Вашингтонский консенсус не оказал существенного влияния на российские реформы» (точка зрения Е. Т. Гайдара, упомянутая и критикуемая в книге В. М. Полтеровича) (Полтерович, 2007. С. 34). Второе сомнение состоит в том, что Вашингтонский консенсус сам по себе не отличается сильным классическим либерализмом, зато ориентирован на интересы внешних субъектов из других стран.

Согласно В. М. Полтеровичу, причинами неудачи реформ 1990-х гг. были «шоковый метод осуществления реформ, недостаточно полный учет начальных условий, неверный выбор последовательности реформ, пренебрежение принципом „компенсации проигравших“, попытка реализовать „стандартную“ экономическую политику в несовершенной институциональной среде» (Полтерович, 2007. С. 13). При этом сама идея преимущества свободного рынка и «расширенного порядка», предложенная Ф. А. фон Хайеком, в принципе не отвергается.

И. Миклош в сравнительном анализе путей реформирования постсоциалистических стран критикует противопоставление градуализма и быстрой трансформации. Он выделяет три группы стран, различавшихся с точки зрения организации реформ, ставит им три типа траекторий трансформации: постепенную, быструю и спонтанную. Соответственно, с выбором траектории трансформации связаны и различные успехи этих реформ в разных странах. Одна группа стран придерживалась градуализма, начав с 1960-х гг. медленную и постепенную либерализацию. Те же страны, которые дождались 1980-х гг. без либерализации, могли выбрать только между быстрой и спонтанной трансформацией. Быстрая трансформация – это целенаправленные, последовательные и быстрые изменения в духе идей «шоковой терапии». Спонтанная трансформация характеризовалась отсутствием «какого-либо осмысленного и продуманного пути перехода от централизованно планируемой к рыночной экономике» (Mikloš, 2021. Р. 46). Именно к типу спонтанной трансформации И. Миклош относит и Россию.

Предыстория и изменение концепций реформ 1990-х гг. (анализируется временной период 1985–1998 гг.) детально описана в статье Р. Г. Хаиткулова и Д. Е. Шестакова «Российские экономические реформы: история эволюции концепций» (Хаиткулов, Шестаков, 2012). Данная работа может служить подтверждением справедливости утверждений И. Миклоша о непоследовательности реформирования в России. Гипотеза Р. Г. Хаиткулова и Д. Е. Шестакова состоит в том, что «эволюция концепции реформ определялась в большей мере последовательной сменой команд реформаторов, чем эволюцией взглядов отдельных идеологов реформ под влиянием опыта их осуществления» (Хаиткулов, Шестаков, 2012. С. 54–55). Радикальные реформаторы спешили воплотить задуманные реформы, опасаясь скорой утраты власти. Промедление, движение в обратном направлении, противоречия между различными ветвями власти в ходе реформ были обусловлены политическими факторами и борьбой различных групп интересов. В данной статье также примечательна цитата В. А. Найшуля, в которой он говорит о первоначальной самоидентификации Е. Т. Гайдара не как либерала, а как правого социалиста. Многие другие реформаторы также придерживались взглядов скорее дирижистских или социалистических, чем либеральных. Тем не менее «общая идеологическая линия российской трансформации оставалась в целом неизменной, несмотря на то, что проводили ее в жизнь разные правительства <...>, правда, делали это с различной степенью успеха» (Хаиткулов, Шестаков, 2012. С. 75). Российские реформы «нельзя назвать осуществлением всеобъемлющих комплексных мер по реформированию экономики по продуманному плану. Процесс проведения реформ представлял, скорее, несколько попыток различных команд осуществить этот первоначальный план рыночных преобразований в условиях постоянных кризисов, под давлением предвиденных и непредвиденных проблем, с логической сменой своих внутренних этапов» (Хаиткулов, Шестаков, 2012. С. 76).

В статье Л. М. Григорьева представлены хронология и периодизация реформ (за период 1985–2006 гг.) с точки зрения участника некоторых описываемых событий. Значение отдельных этапов реформ было неравноценно. Ключевой этап реформ был в 1992–1994 гг., когда были заложены принципиальные институциональные основы новой экономической системы, в числе которых «либерализация хозяйственной деятельности, право назначать цены, свобода экспорта, вообще свобода коммерческой деятельности» (Григорьев, 2012. С. 17–18).

Многие проблемы и недостатки реформ были предсказуемы заранее, и некоторые группы интересов допускали злоупотребления, стремясь к собственной выгоде, что не позволило провести реформы оптимальным образом. В препринте данной статьи Л. М. Григорьева приведен также комментарий О. И. Шкаратана, подтверждающий значение интересов: «...помимо экспертного сообщества, которое конструирует идеальные или не совсем идеальные программы, есть социальные интересы элитных групп, которые ломают эти программы, а иногда попросту отправляют их в помойку. Или, наоборот, говорят: „Ура!“» (Шкаратан, 2006).

Результаты проведенного ранее машинного анализа текстов научных статей за период 1992–2023 гг. (табл. 1, 2) показывают значительную популярность идей неоллиберализма среди экономистов в 1992–2002 гг. Однако в дальнейшем популярность таких идей снижается. В исследованиях экономистов в 2003–2017 гг. начинает преобладать дирижизм, а в 2018–2023 гг. особенно возрастает популярность идеологии экологизма. Такая динамика популярности идей в исследованиях экономистов свидетельствует скорее об опережении идей в исследованиях по сравнению с проводимой политикой. Хотя Россия «была признана рыночной экономикой со стороны ЕС и США» (Пахомов, 2021. С. 13) в 2002 г., многие важные неоллиберальные реформы имели место позже, например, монетизация льгот (2004 г.), вступление в ВТО (2012 г.), повышение пенсионного возраста (2019 г.). Вероятно, многие российские экономисты успели разочароваться в либеральных идеях, не дождавшись их воплощения на практике.

Таблица 1

Распределение статей по идеологиям
Table 1. Distribution of articles by ideology

Идеология / Ideology	Количество статей / Number of articles	Доля, % / Share, %
Неолиберализм / Neoliberalism	19 489	14,53
Социализм / Socialism	16 312	12,16
Дирижизм / Dirigism	40 045	29,86
Особый путь / Special path	22 264	16,60
Экологизм / Ecologism	25 283	18,85
Не определена / Undefined	10 731	8,00
Всего / Total	134 124	100

Источник: получено авторами в ходе машинного анализа текстов научных статей (Вольчик и др., 2024. С. 49).

Source: produced by the authors using machine analysis of academic articles (Volchik et al., 2024. P. 49).

Таблица 2

Распределение статей по идеологиям и по временным периодам (%)
Table 2. Distribution of articles by ideology and time period (%)

Период / Period	Неолиберализм / Neoliberalism	Социализм / Socialism	Дирижизм / Dirigism	Особый путь / Special path	Экологизм / Ecologism	Не определена / Undefined
1992–1997	26,63	20,20	14,69	19,83	8,26	10,38
1998–2002	28,53	14,59	16,28	19,69	9,27	11,64
2003–2007	19,54	12,11	33,81	14,89	10,81	8,85
2008–2012	15,07	12,32	35,39	17,16	11,69	8,36
2013–2017	12,35	11,60	32,34	17,10	18,80	7,80
2018–2023	13,39	12,23	23,97	16,09	26,91	7,40

Источник: получено в процессе машинного анализа текстов научных статей (Вольчик, 2025).

Source: produced by the authors using machine analysis of academic articles (Volchik, 2025).

В основе представленной классификации идеологий в российской экономической науке лежат соответствующие ценности, характерные для различных экономических порядков (неолиберализм – рыночная эффективность; социализм – равенство и справедливость; дирижизм – планирование, ведущее к благосостоянию; особый путь – национальная идентичность; экологизм – сохранение окружающей среды для потомков). В согласии с указанными ценностями для каждой идеологии была составлена кодировочная таблица с характерными для нее фразами. Опираясь на кодировочную таблицу, экспертным образом была подготовлена обучающая выборка (распределение статей по пяти идеологиям). С использованием обучающей выборки в ходе машинного анализа текстов их распределили в основном по выделенным идеологиям, но некоторые из них не смогли однозначно классифицировать и отнесли к группе с неопределенной идеологией. Более подробно методика проведенного анализа описана в статьях Вольчика с соавт. (Вольчик и др., 2024; Вольчик, 2025).

Факторы, обусловившие дискредитацию либеральных идей после реформ 1990-х гг. и переменный успех самих этих реформ, хорошо описаны в статье экономиста, предпринимателя и ранее политика-реформатора П. О. Авена «Экономика торга»². П. О. Авен справедливо отмечал, что к концу 1990-х гг. идеалы либерализма не были воплощены в России на практике. Возник миф о либеральной реформе, так как политики, проводившие реформы, идентифицировали себя в качестве либералов. Но на практике их действия были иными. «А учитывая степень государственного вмешательства, можно сказать, что на практике наша модель ближе к идеологии социал-демократии левой. Так, где-то по центру социал-демократии, да еще и с сильной российской спецификой, нам и следует определить наши реформы»³. Основные недостатки экономической системы, сформировавшейся в ходе реформ 1990-х гг., по мнению П. О. Авена, включают: 1) высокий уровень перераспределения посредством государства (высокая налоговая нагрузка и государственные расходы), 2) спецэкспортеры, валютный контроль и высокие импортные тарифы, ограничивающие свободу внешней торговли, 3) выборочная поддержка государством отдельных фирм, отсутствие общих для всех правил, 4) несправедливое и неконкурентное распределение государственной собственности в ходе приватизации. В качестве причин отклонения либеральных реформ от заявленного курса П. О. Авен рассматривает необходимость идти на компромиссы по политическим соображениям и веру реформаторов в собственную исключительность, не позволившую им отказаться от избыточных прав принимать конкретные хозяйственные решения («Самоидентификация с Богом, естественно вытекающая из веры в свою особость, к несчастью, была типичной для наших реформаторов»⁴).

Относительно взглядов экономистов, развивавших неолиберальные идеи, также имеется проблема непоследовательности и внутренней противоречивости. Имеются теоретические нарративы, сочетающие критику низкого уровня инвестиций с обоснованием увеличения перераспределения в пользу бедных. Многим неолибералам чужда идея Ф. А. фон Хайека о конкуренции как процедуре открытия (Хайек, 1989); и они придерживаются идеи предопределенности того, что нужно для благосостояния; они полагают, что им уже известно, что нужно произвести для удовлетворения потребностей членов общества. При этом они ожидают, что этот результат будет достигнут с использованием рыночных механизмов. В утилитаристском понимании неолибералов рынок должен использоваться как инструмент для достижения высокого благосостояния. Они не обосновывают рынок как самоценное воплощение свободы торговли и прав человека.

Неолиберализм и инфляция

Важный пример взаимодействия идеологических установок и реальной экономической политики нам показывает анализ инфляции и связанной с ней монетарной политики. В монетарной сфере идеология либерализма предписывает борьбу с инфляцией. Одним из показательных примеров идеологии либерализма является монетаризм М. Фридмана, и в частности, его монетарное правило. Специфика монетарного правила М. Фридмана заключается в том, что он предложил бороться с инфляцией не путем поддержки стабильного уровня цен, а путем фиксации темпа роста денежной массы. «Люди, придерживающиеся в общем либеральных взглядов, чаще всего предлагают правило, касающееся уровня цен, а именно законодательное предписание кредитно-денежным учреждениям поддерживать стабильный уровень цен. Я считаю, что это правило не годится. Не годится оно

² Авен, П. О. (1999, 27 января). Экономика торга. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/211815>

³ Там же.

⁴ Там же.

потому, что ставит себе задачи, которые кредитно-денежный орган своими действиями решить неспособен, ибо у него нет на это четкой и прямой власти» (Фридман, 1982. С. 82). «Исходя из нынешнего состояния наших знаний о предмете, мне кажется, что это правило лучше всего сформулировать с точки зрения поведения денежной массы. В данный момент я остановился бы на законодательно установленном правиле, предписывающем кредитно-денежному органу обеспечивать некие конкретные темпы роста денежной массы. Для этого я определил бы денежную массу как сумму денег вне коммерческих банков и вкладов в этих банках. Я вменил бы Резервной системе в обязанность следить за тем, чтобы общий денежный запас, определяемый вышеуказанным образом, рос месяц за месяцем (а если возможно, и день за днем) на X процентов в год, где X есть число между тремя и пятью. Как именно будет определено понятие денег и какие именно будут установлены темпы роста, имеет куда меньшее значение, чем сам факт, что это понятие твердо определено и что темпы эти четко обозначены» (Фридман, 1982. С. 82–83). То есть монетарное правило М. Фридмана принципиально отличается от таргетирования инфляции. М. Фридман справедливо критикует таргетирование инфляции как действия центрального банка, с постоянным запозданием реагирующего на последствия своих более ранних действий.

Реформы правительства Е. Т. Гайдара, действовавшего с 6 ноября 1991 г. по 31 декабря 1992 г., традиционно определяются как либеральные. Иногда Е. Т. Гайдара считают монетаристом. Рассмотрение идеологических нарративов этого политика не дает оснований сомневаться в соответствии провозглашенных им целей и идеологии либерализма. Более того, он сам в явном виде отмечает свою приверженность либерализму. «Я по убеждению либерал, уверен, что свобода самоценна» (Гайдар, 2013а. С. 105). Описание мер предложенной им политики также находится в соответствии с принципами либерализма. «В наши намерения входило совместить либерализацию цен с существенным ужесточением финансовой политики, для того чтобы не допустить превращения первоначального большого скачка цен в спираль „цены – зарплата“ и гиперинфляцию, и снизить инфляцию до низкого уровня» (Гайдар, Матюхин, 2013. С. 12).

Однако задачи снижения инфляции и предотвращения гиперинфляции достигнуты не были. Это иллюстрируют помесечные индексы потребительских цен в табл. 3. Индексы потребительских цен по месяцам, приходящимся на период правительства Е. Т. Гайдара (выделены в таблице курсивом), – самые высокие за всю историю наблюдений с 1991 г.

Таблица 3

Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации (1991–1998 гг.)

Table 3. Consumer price indices for goods and services in the Russian Federation (1991–1998)

Месяц / Month	Год / Year							
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
К концу предыдущего месяца / By the end of the previous month								
Январь / January	106,20	<i>345,30</i>	125,80	117,90	117,77	104,11	102,34	101,51
Февраль / February	104,80	<i>138,00</i>	124,70	110,82	111,02	102,79	101,54	100,89
Март / March	106,30	<i>129,90</i>	120,10	107,41	108,94	102,80	101,43	100,64
Апрель / April	163,50	<i>121,70</i>	118,70	108,49	108,47	102,16	100,96	100,38
Май / May	103,00	<i>111,90</i>	118,10	106,91	107,93	101,60	100,94	100,50
Июнь / June	101,20	<i>119,10</i>	119,90	106,00	106,66	101,17	101,10	100,08
Июль / July	100,60	<i>110,60</i>	122,39	105,33	105,38	100,72	100,93	100,17
Август / August	100,50	<i>108,60</i>	126,00	104,62	104,56	99,79	99,86	103,67
Сентябрь / September	101,10	<i>111,50</i>	123,00	107,96	104,46	100,33	99,70	138,43
Октябрь / October	103,50	<i>122,90</i>	119,50	115,00	104,72	101,20	100,17	104,54
Ноябрь / November	<i>108,90</i>	<i>126,10</i>	116,39	114,61	104,56	101,88	100,61	105,67
Декабрь / December	<i>112,10</i>	<i>125,20</i>	112,50	116,44	103,20	101,42	100,96	111,61
К декабрю предыдущего года / By December of the previous year								
Декабрь / December	260,40	2608,84	939,90	315,14	231,30	121,81	111,03	184,43

Источник: Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_mes_04-2025.xlsx

Source: Federal Agency of State Statistics. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_mes_04-2025.xlsx

В опубликованном позднее сборнике работ Е. Т. Гайдара имеется указание на некоторые причины неудачи монетарной политики. «Целями программы являются резкое снижение темпов инфляции до низкого уровня к концу 1992 г. (как известно, в результате резкого ослабления кредитно-денежной политики после 6-го Съезда народных депутатов и действий нового руководителя ЦБ В. Геращенко эту задачу выполнить тогда не удалось. – *Прим. научн. ред. Л. И. Лопатникова*) и максимально возможное противодействие падению производства» (Гайдар, Матюхин, 2013. С. 14). Так как инфляция зависит от действий Центрального банка, то правительство может не достичь целей снижения инфляции, если у Центрального банка иные цели.

Политика, в том числе и экономическая, является результатом компромисса между властными группами. Если у разных групп властвующей элиты отличаются цели, то результирующий эффект принятых компромиссных решений может не соответствовать их идеалам. Например, Е. Т. Гайдар выразил свою приверженность к компромиссам и «реальной политике». «Реальная политика – это всегда компромисс, а не успокоительное „не могу поступиться принципами“. К сожалению, упорно лепятся мифы о правительстве то как секте пуритан от либерализма, самодовольных и напроочь отмечающих любое сотрудничество, любое соглашение то, наоборот, как о пляшущем под чью-то дудку, сдавшем все свои приоритеты» (Гайдар, 2013b. С. 42–43).

Специфика идеологических взглядов Е. Т. Гайдара не позволяет отнести его к «пуританам от либерализма», т. е. к классическим либералам. Это наглядно проявляется в его отношении к роли государства в экономике. «Сохранение активной роли государств в образовании национальных сбережений и финансировании инвестиций – необходимое условие возобновления устойчивого экономического роста в посткоммунистических странах» (Гайдар, 2013c. С. 58). «На этапе трансформации, который переживают бывший СССР и страны Восточной Европы, экономически разумная политика чаще всего является одновременно непопулярной. Ее проведение возможно лишь при восстановлении эффективной и сильной государственной власти» (Гайдар, 2013c. С. 61–62). Таким образом, в отличие от классического либерализма Е. Т. Гайдар в большей мере был привержен этатизму. Нацеленность на установление «эффективной и сильной государственной власти» характерна для неолиберализма.

Основная причина, по которой либеральная монетарная политика привела к антилиберальной гиперинфляции, по мнению Е. Т. Гайдара, состояла в противодействии органа законодательной власти действиям правительства. «Проведение эффективной антиинфляционной политики затрудняет в первую очередь глубокий внутренний конфликт в российских органах верховной власти. Верховный Совет не только был и есть, но и на ближайшую перспективу неизбежно останется проинфляционно настроенным. <...> Что касается правительства, то инструменты, находящиеся в его руках, не слишком эффективны. <...> Да и сами члены правительства по-разному относятся к проблеме гиперинфляции...» (Гайдар, 2013d. С. 76). Поэтому наблюдаемое противоречие между провозглашенными целями политики и наблюдаемыми результатами потенциально может быть объяснено без привлечения гипотез о наличии некоторых иных, проинфляционных целей у правительства Е. Т. Гайдара.

Рыночные реформы в России в зеркале нарративов

Рассмотрение теоретических нарративов экономистов – современников событий 1990-х гг. показывает широкий спектр взглядов.

Присутствовали панические реакции и рекомендации экстренных мер по спасению экономики. В статье 1992 г. Н. Шмелев выдвигал следующие приоритеты: «...нам сегодня больше всего нужна не экономическая дальновзоркость, а действия, сходные с теми, которые предпринимает пожарный при спасении охваченного огнем дома. Остальное все потом, потом! Если удастся остановить катастрофический распад экономики, хоть как-то нормализовать положение, в дальнейшем у нас будет достаточно времени, чтобы продумать стратегию возрождения и радикального обновления страны. <...> Три главные задачи стоят сегодня перед „пожарными“, пытающимися спасти наш дом: восстановление дееспособности рубля; приватизация; создание социальной „сетки безопасности“, способной предотвратить страну от взрыва» (Шмелев, 1992. С. 4). Примечательно, что вначале после распада СССР экономисты призывали сохранить общее экономическое пространство и общую денежную систему на постсоветском пространстве. «Общая оборона и общая экономика – без этого минимума невозможно само существование того нового сообщества государств, которое возникает на обломках прежнего Советского Союза» (Шмелев, 1992. С. 5). В частности, Н. Шмелев пред-

сказывал, что выпуск бывшими союзными республиками собственных денег спровоцирует экономическую войну с Россией, которая в дальнейшем перерастет в гражданскую войну. Причина проблем – «авантюризм, полная экономическая безграмотность новых политиков и безумие толпы, которая и будет в конечном итоге платить по всем счетам» (Шмелев, 1992. С. 5).

Несколько иная тактика либеральных реформ, предложенная в статье О. Виханского, основана на принципе *laissez-faire*. «Несмотря на то, что все программы А. Аганбегяна, Л. Абалкина, С. Шаталина, Г. Явлинского и многих других именитых экономистов по разным причинам не были приняты к реализации, рынок создается, приватизация осуществляется, работают биржи, дает продукцию фермер, идет медленный переход к капитализму. И делается это снизу невидимыми людьми. Они обращаются к властям: „Не надо нам вашей помощи. Старайтесь мешать поменьше. А мы свое дело сделаем“. И сделают, потому что это совпадает с их реальными интересами. И, кстати, совпадает в гораздо большей мере, чем у политиков, ведущих экономистов и крупных администраторов, которые доказывают, что перевод страны на новые рыночные отношения – смысл их жизни» (Виханский, 1992. С. 13).

Решительный реформаторский настрой многих экономистов логично сочетался с обоснованием предпочтительности быстрых, а не медленных преобразований. «Все перекосы и диспропорции, накопившиеся за годы застоя, подлежат устранению, но исправление этих деформаций связано с потерями, со снижением доходов определенных субъектов хозяйства и отдельных категорий населения. <...> Выход, видимо, состоит в быстрой либерализации цен при одновременном ужесточении бюджетных ограничений» (Лушин, Пашковский, 1992. С. 5). В 1992 г. многих экономистов крайне волновала проблема инфляции. Медленный переход к рыночной экономике рассматривался как потенциальный фактор продолжительной и высокой инфляции. «Провозглашенная во многих постановлениях правительства России новая политика перехода к рынку, предполагающая либерализацию и зарплаты, и цен, опасна именно возможностью длительной и крупномасштабной инфляции. Успех такой политики может обеспечить только резкое сокращение дефицита бюджета и очень строгий подход к выдаче кредитов банками» (Лушин, Пашковский, 1992. С. 6).

Ряд экономистов сразу развернули резкую критику проводимых реформ. В особенности это касалось оставшихся сторонников социалистической идеологии. Например, Г. Ракитская следующим образом интерпретировала смысл либерализации цен: «Тотальное многократное и единовременное повышение цен, которое без должных на то оснований было объявлено либерализацией цен. Фактически же имела место денежная реформа, обесценившая текущие доходы и сбережения населения и отбросившая почти всех трудящихся за черту бедности» (Ракитская, 1992. С. 30). При этом критики проводимых реформ в основном признавали бесперспективность или невозможность возвращения централизованного планового хозяйства, они не ставили под сомнение целесообразность перехода к рынку. «Консервативная позиция, противостоящая любым переменам, не играла серьезной роли в противоборстве социальных сил. <...> Нет достаточно мощных социальных сил, заинтересованных и способных вернуть страну в прошлое» (Ракитская, 1992. С. 31). «Позиция несогласия с отчуждением трудящихся от собственности как от власти в хозяйстве не отрицает необходимость перехода к рынку» (Ракитская, 1992. С. 34). То есть основная претензия критиков была связана с ущемлением интересов некоторых социальных групп.

Недоумение от распада социалистической системы, возникшее у сторонников идеологии социализма, стимулировало начать пересмотр их экономико-теоретической системы. Отказываться от марксизма они не стали, но смогли позволить себе критиковать И. В. Сталина и назвать реальный социализм тоталитарно-бюрократическим режимом. Реформы 1990-х гг. также вызывали не симпатии, а обеспокоенность. Например, А. В. Бузгалин в 1993 г. так охарактеризовал положение дел в российской экономике и экономической науке: «Ситуация в нашем Отечестве такова, что дальнейшее движение методом проб и ошибок чревато перерастанием кризиса в катастрофу. Между тем ни старая политическая экономия, ни традиционный „экономикс“ не обладают достаточной „разрешающей способностью“, чтобы дать вразумительные, теоретически обоснованные и конкретные (т. е. целостные, системные, а не эмпирически ограниченные) рекомендации практике» (Бузгалин, 1993. С. 42). Для решения указанной проблемы требуется разработка новой парадигмы экономической теории.

Уже в 1992 г., задолго до завершения реформ, появился один из популярных в дальнейшем теоретических нарративов о рыночных реформах: «Рыночные реформы прошли успешно в Китае и неудачно в России». Согласно Дж. Россу, основной ошибкой российского правительства была ориентация на экспорт, а не на

внутренний рынок и связи с бывшими республиками Советского Союза. Также ошибочно не учитывалась специфика двойственной экономики: монополизация в ряде отраслей и наличие немонополизированного сектора. Дж. Росс делает вывод, что «...в России при той экономической политике, которая проводится правительством, сдвиг относительных цен в сторону продукции монополизированного сектора разрушает немонополизированный сектор, который в результате становится неспособным отвечать потребительскому спросу» (Росс, 1992. С. 47).

В дальнейшем, при расширении популярности дирижистской идеологии, вновь получают распространение нарративы о преимуществах централизованного (индикативного или даже директивного) планирования. В исследовании Л. И. Кочуровой и соавторов подчеркивается важная роль государства. «Государство – единое экономическое пространство, управлять которым должно само государство из федерального центра на принципах развитого рынка. Никакого реального развития без целостного стратегического планирования (долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного), причем планирования из единого национального хозяйственного центра, быть не может» (Кочурова и др., 2020. С. 51). Примечательно, что авторы не видят противоречия между работой рыночного механизма и государственного управления. «Развитый рынок – совершенная модель национальной экономики. Его можно построить только на основе рыночного управления со стороны государства как крупными госкорпорациями, так и предприятиями малого и среднего бизнеса, так как у государства есть возможность согласовать государственный сектор экономики с законами рынка» (Кочурова и др., 2020. С. 49).

Ряд неолиберальных нарративов получил большую известность в негативном контексте или в карикатурном виде в работах критиков неолиберализма. К таким нарративам относятся «шоковая терапия», «невидимая рука рынка», «Вашингтонский консенсус».

В одной из наиболее цитируемых статей, касающихся «шоковой терапии», В. М. Полтерович охарактеризовал ее таким образом: «Шоковая терапия – единовременное и радикальное изменение системы институтов» (Полтерович, 2009. С. 4). По мнению исследователя, «попытки „шоковым методом“ внедрить рыночные институты в 1990-е годы» (Полтерович, 2009. С. 16) оказались безуспешными.

В одной из наиболее цитируемых статей, посвященных «невидимой руке рынка», ей дана следующая трактовка: «В качестве альтернативы сталинщине выдвигается исключительно модель экономического праволиберального толка, символ веры которой – невидимая рука рынка, которая якобы все сама расставит по своим местам, даст каждому инициативному человеку простор для инноваций, частных собственников сделает эффективными, а экономику – интенсивно развивающейся» (Бузгалин, 2014. С. 53). В данном случае неолиберальный нарратив «перехватывается» сторонником социализма и выставляется в нарочито глупом виде. Более адекватная трактовка «невидимой руки» учитывает историю данной концепции, что представлено в статье Ю. В. Таранухи: «“Невидимая рука” – стихийная сила, регулирующая направленность действий частного интереса. <...> Это выражение применяется для обоснования тезиса, что стихийный способ координации хозяйственной деятельности предпочтительнее прямого участия уполномоченных лиц или органов» (Тарануха, 2018. С. 166).

Нарратив «Вашингтонского консенсуса» хорошо описан в книге В. М. Полтеровича «Элементы теории реформ» (Полтерович, 2007. С. 29). Этот нарратив критикуется в работах сторонников идеологии дирижизма. По мнению С. Ю. Глазьева, «применение идеологии „Вашингтонского консенсуса“ повлекло за собой разрушительные последствия в практике экономического реформирования» (Глазьев, 1998. С. 41). Сторонников же «Вашингтонского консенсуса», которые бы выступали в его защиту, найти сложно.

Нарратив «монетаризма и контроля денежной массы» был распространен как среди сторонников, так и критиков неолиберализма. Например, в статье Н. Ноздрань постулируется: «Анализ динамики денежной массы имеет особое значение при выработке ориентиров кредитно-денежной политики» (Ноздрань, 1993. С. 96). При этом в статье Н. Ноздрань и И. Березина имеется спорное утверждение о неспособности государства контролировать денежную массу, так как центральный банк не может отказать в кредитах коммерческим банкам (Ноздрань, Березин, 1993). Проблема в том, что в практике реформ теория монетаризма и контроль денежной массы (по денежному правилу М. Фридмана) не осуществились. Даже если бы их попытались применить, то для этого нужно было бы учесть кризисные обстоятельства. В условиях падения объемов производства любой положительный прирост денежной массы должен вести к росту уровня цен. Даже если денежная масса будет снижаться, но медленнее падения производства, то уровень цен должен расти. А если

наблюдается гиперинфляция и развитие бартера, то мы не можем принимать за константы спрос на деньги и скорость обращения денег. Несмотря на ограниченную применимость, монетаристский нарратив присутствовал в ходе обсуждения реформ, в то же время не получили популярности либеральные идеи австрийской школы о частных деньгах (предложенных Ф. А. фон Хайеком (Хайек, 1996)) или металлических деньгах (возрождение золотого стандарта предлагал М. Н. Ротбард (Rothbard, 1983)).

В условиях глобализации получила признание теория сравнительных преимуществ. Неолиберальная идеология, поддерживающая свободу международной торговли, допускала то, что специализация на экспорте сырья и импорте готовых товаров выгодна России благодаря ее природным ресурсам. Однако нарратив типа «мы все купим за нефтяные деньги» является скорее карикатурной критикой неолиберализма.

Первоначально в ходе реформ наибольшее внимание уделялось макроэкономическим аспектам, при этом задача состояла в стабилизации экономики. Процесс приватизации хотя и происходил в некоторых формах, но его завершение затягивалось. Затем институциональные аспекты реформ стали считаться крайне важными, и вопрос о приватизации стал объектом дискуссий. Основная аргументация в пользу приватизации имела утилитарный характер: в ходе приватизации собственность достанется тем людям, которые наиболее эффективно будут ее использовать; соответственно, будут расти инвестиции, выпуск продукции и благосостояние. «Потребность в приватизации назрела потому, что прежний собственник – государство, демонстрируя свою полную несостоятельность и неэффективность в управлении имуществом, довел экономику страны до полного банкротства. Смена собственника стала необходима как спасение от общенационального краха, как прорыв к эффективным методам управления экономикой» (Чубайс, 2000. С. 130). Но уже в 1992 г. российские экономисты понимали, что приватизация преследует также политические цели. Тем не менее нарратив «приватизации для создания эффективных собственников» стал преобладающей экономической аргументацией. Идея приватизации как восстановления справедливости (возвращения народу национализированной собственности) не получила распространения. Распространенная трактовка собственности и приватизации основывалась на идеях неинституциональной экономики (теорема Коуза), а не на идеях австрийской школы (принцип гомстеда).

С течением времени в ходе реформ на смену неолиберальным нарративам стали приходить дирижистские. Идея эффективного собственника была так трансформирована, что государство стало рассматриваться как эффективный собственник институтов развития. С точки зрения дирижизма государство может быть более эффективным собственником стратегических активов: Роснано, Ростеха, ВЭБа как инструментов государственной промышленной политики. В Стратегии-2020 имеется положительное отношение к национальным проектам, модернизации и инновационной экономике. Обоснование состоит в том, что «страна не может жить почти исключительно за счет экспорта сырьевых ресурсов...» (Мау, Кузьминов, 2013. С. 8).

Все большее внимание к институциональным аспектам реформирования и учету национальной специфики воплотилось в нарративе «выращивания институтов». «Создаваемые институты должны сопрягаться с другими институтами, опираться на них и, в свою очередь, служить опорой для других» (Клейнер, 2005. С. 10). То есть должна быть обеспечена комплементарность институтов.

Нарратив мобилизационной экономики (концентрации ресурсов на приоритетных направлениях), которая ранее противопоставлялась инновационной экономике, в последнее время стал приобретать все большую популярность. Противопоставление мобилизации и развитию инноваций исчезает: «Необходимость расширения производства военной техники и вооружений с компонентами пятого технологического уклада влечет за собой создание новой мобилизационной экономики» (Южаков, 2023. С. 176).

С недавнего времени (с 2010–2020 гг.) распространяются нарративы экологизма как элемента геополитической стратегии. Отношение российских исследователей к идеологии экологизма разделилось, но общепризнано его западное происхождение. Например, Н. Г. Жаворонкова и Ю. Г. Шпаковский приходят к выводу, что экологический диктат со стороны ЕС и США направлен против России и других стран с сырьевой специализацией. «Сегодня, как ни странно, решающим направлением развития правовой системы в России является серьезное давление, вызванное отчасти требованиями западных правительств и международных организаций соответствовать „мировым стандартам“. Защита окружающей среды и климатическая политика, представляющие так называемую зеленую повестку, подаются как одна из визитных карточек ЕС, позиционирующего себя как лидера природоохранного законодательства и природоохранной политики в мире» (Жаворонкова, Шпаковский, 2021. С. 57). Однако в качестве ответа на этот диктат экологизма обычно

рассматривается дальнейшее расширение государственного регулирования. «Ввиду существенных угроз для национальной экономики от последствий изменения климата и ужесточения международных требований к карбоноёмкости экспорта России нельзя ограничиваться полумерами и рассматривать дальнейшее развитие инструментов климатического регулирования в качестве составного элемента экологической политики» (Яковлева, 2021. С. 16).

Новейшей тенденцией (после 2022 г.) на идеологическом ландшафте также является распространение нарратива «экономики Русской цивилизации». Согласно Е. В. Балацкому и Н. А. Екимовой, идеология Русской цивилизации должна выдвинуть лозунг: «Порядок. Единство. Духовность» (Балацкий, Екимова, 2022. С. 86), а экономический девиз Русской цивилизации «выглядит как триада „Надежность. Масштабирование. Креативность“» (Балацкий, Екимова, 2022. С. 86). Этот нарратив может быть отнесен к идеологии особого пути.

Заключение

В заключение можно сделать следующие теоретико-методологические выводы о соотношении идеологии и политики:

1. Существуют различия между мыслью, словом и действием.
2. Экономисты могут наблюдать только провозглашаемую приверженность некоторой идеологии. Если настоящая приверженность некоторой идеологии не демонстрируется, то она остается недоступна эмпирическому познанию (непознаваема) для экономистов.
3. Субъекты политики могут как следовать, так и не следовать провозглашенной ими идеологии при реализации политики. Их цели могут как быть в согласии с провозглашаемой ими идеологической позицией, так и отличаться от нее.
4. Экономическая политика является продуктом компромиссов между властными группами и не определяется целями какого-либо одного субъекта.
5. Цели экономической политики могут достигаться или не достигаться, но рассматриваться через призму теоретических нарративов, которые ассоциировались с теми или иными реформами.

В экономических исследованиях существуют две противоположные точки зрения относительно влияния идей и идеологий на выбор экономической политики. Согласно одной точке зрения, идеи оказывают определяющее влияние на выбор политики. Согласно другой точке зрения, политика определяется интересами акторов, которые используют идеи в качестве своих инструментов. Некоторые авторы стремятся предложить компромиссный подход, когда, например, в модели с разнородными акторами одни акторы относятся к идеям инструментально, а другие – пассивно воспринимают предложенные идеи.

Анализ соотношения между изменением преобладающей идеологии в научных статьях по экономике и динамикой реформ в России свидетельствует скорее об опережающей динамике идей в исследованиях по сравнению с проводимой политикой.

Рассмотренный в настоящей статье пример с инфляцией показывает, что, согласно неолиберальной идеологии и в соответствии с провозглашенными целями рыночных реформ, государство должно было активно бороться с инфляцией. Однако реализация на практике рекомендаций монетаризма была невозможной. Реальная идеологическая принадлежность реформаторов дискуссионна. На практике рыночные реформы 1990-х гг. в России привели к продолжительной и высокой инфляции, о чем свидетельствуют данные о динамике индекса потребительских цен.

Наиболее важные теоретические нарративы, которые сопровождали российские экономические реформы: «шоковая терапия», «невидимая рука рынка», «Вашингтонский консенсус», «приватизация и эффективные собственники», «монетаризм и контроль денежной массы», «теория сравнительных преимуществ», «государство как эффективный собственник институтов развития», «мобилизационная экономика», «национальные проекты», «модернизация и инновационная экономика», «экономика Русской цивилизации», «выращивание институтов», «экологизм как элемент геополитической стратегии». Между теоретическими нарративами и экономическими реформами не существует устойчивой причинной связи, но можно сказать, что теоретические нарративы часто являются оправданием реформ как в академическом сообществе, так и в общественном дискурсе.

Список литературы

- Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 14(3), 74–90. EDN: FOTHWL. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090
- Бузгалин, А. (1993). Отечественная экономическая теория: от кризиса к новой парадигме? *Вопросы экономики*, 1, 42–52.
- Бузгалин, А. В. (2014). Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма». *Проблемы современной экономики*, 51(3), 53–55. EDN: TAJXXZ
- Виханский, О. (1992). Кто поведет к рынку. *Вопросы экономики*, 1, 10–18.
- Вольчик, В. В. (2024). Идеология и нарративная экономика. *Terra Economicus*, 22(3), 21–33. EDN: VJZETQ. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33
- Вольчик, В. В. (2025). Дрейф идеологий в российской экономической науке. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 17(2), 133–145. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145>
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В., Марьян, П. А., Скрябин, М. В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 16(4), 42–59. EDN: CPKSVH. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059
- Гайдар, Е. Т. (2013а). Либерализм: Без демократии не получится. *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 7, с. 105–110). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т. (2013б). Россия и реформы. *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 6, с. 31–43). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т. (2013с). Трудный путь от социализма. *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 6, с. 43–62). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т. (2013д). Удастся ли затормозить гиперинфляцию? *Собрание сочинений в пятнадцати томах* (Т. 6, с. 74–76). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Гайдар, Е. Т., Матюхин, Г. Г. (2013). Меморандум об экономической политике Российской Федерации. *Собрание сочинений в пятнадцати томах*. (Т. 6, с. 10–31). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Глазьев, С. Ю. (1998). «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России. *Экономическая наука современной России*, 5, 39–46. EDN: IBCCBF
- Григорьев, Л. М. (2012). Хронология реформ. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории. *Мир России. Социология и этнология*, 1, 11–23. EDN: OPJRPJ
- Жаворонкова, Н. Г., Шпаковский, Ю. Г. (2021). Зарубежная нормативная экспансия в экологическом регулировании. *Lex russica*, 74(6), 56–67. EDN: QCYZPL. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.056-067
- Кейнс, Дж. М. (2007). *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное*. Москва: Эксмо. EDN: QSKYFV
- Клейнер, Г. Б. (2005). Модернизация экономики и «выращивание» институтов: взгляд «снизу». В кн. *Модернизация экономики и выращивание институтов* (Т. 1). Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Кочурова, Л. И., Харлампенков, Е. И., Клещевский, Ю. Н., Энгель, С. Л., Андреев, В. В. (2020). Особенности развития экономики России на современном этапе. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 17(6), 45–53. EDN: RSNAQV. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-6-45-53
- Лушин, С., Пашковский, В. (1992). Инфляционные процессы в экономике страны, истоки и перспективы. *Вопросы экономики*, 2, 3–12.
- Мау, В. А., Кузьминов, Я. И. (2013). *Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Мизес, Л. (2001). *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Мизес, Л. (2005). *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум.
- Ноздрань, Н. (1993). Денежные агрегаты: опыт переходного периода в России. *Вопросы экономики*, 11, 96–103.
- Ноздрань, Н., Березин, И. (1993). Денежные агрегаты: теория и практика. *Вопросы экономики*, 6, 30–39.
- Пахомов, А. А. (2021). Рыночный статус российской экономики: вопросы теории и практики. *Экономическое развитие России*, 28(6), 12–17. EDN: NIQVLL
- Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. Москва: Экономика. EDN: QSJZAV
- Полтерович, В. М. (2009). Проблема формирования национальной инновационной системы. *Экономика и математические методы*, 45(2), 3–18. EDN: JXOYBD
- Полтерович, В. М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 55–65. EDN: YWIMXL
- Полтерович, В. М. (2022). Экономическая теория и формирование человеческих качеств. *AlterEconomics*, 19(2), 201–211. EDN: QWOTRA. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.1
- Ракитская, Г. (1992). Власть трудящихся в хозяйстве как составная часть социальной защищенности. *Вопросы экономики*, 7, 29–36.
- Росс, Дж. (1992). Почему экономическая реформа потерпела крах в Восточной Европе и России, а в Китае увенчалась успехом? *Вопросы экономики*, 11, 42–52.

- Тамбовцев, В. Л. (2019). Идеи и интересы, экономическая политика и институты. *Вопросы экономики*, 5, 26–45. EDN: IWUNPH. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-26-45
- Тамбовцев, В. Л. (2024). Экономическая идеология: варианты пониманий и применения понятия. *Вопросы экономики*, 10, 5–27. EDN: KNZARS. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-5-27
- Тарануха, Ю. В. (2018). «Невидимая рука» Адама Смита: содержание и роль. *Общественные науки и современность*, 6, 162–173. EDN: VPYZSG. DOI: 10.31857/S086904990002758-5
- Фридман, М. (1982). *Капитализм и свобода*. New York: Chalidze Publications.
- Хайек, Ф. (1989). Конкуренция как процедура открытия. *Мировая экономика и международные отношения*, 12, 5–14.
- Хайек, Ф. А. фон. (1996). *Частные деньги*. Москва: Институт национальной модели экономики.
- Хаиткулов, Р. Г., Шестаков, Д. Е. (2012). Российские экономические реформы: история эволюции концепций. *Мир России. Социология. Этнология*, 1, 54–78. EDN: OPJRQN
- Чубайс, А. Б. (2000). *Рождение хозяина. Приватизация по-русски*. Москва: Вагриус.
- Шумпетер, Й. (2012). Наука и идеология. В кн. Д. Хаусман (ред.), *Философия экономики*. Антология. Москва: Изд. Института Гайдара.
- Шкаратан, О. И. (2006). Комментарии. В докл. Л. М. Григорьев, *Хронология реформ. Препринт WP11/2006/01* (с. 34). Москва: ГУ ВШЭ.
- Шмелев, Н. (1992). Ближайшие приоритеты. *Вопросы экономики*, 1, 3–9.
- Южаков, В. А. (2023). Мобилизационная экономика: в будущее через прошлое. *Вестник Челябинского государственного университета*, 481(11), 176–187. EDN: JBKGVY. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-176-187
- Яковлева, Е. Н. (2021). Управление климатической безопасностью экономики: теоретические и прикладные аспекты. *Вестник университета*, 11, 14–23. EDN: DOMLPC. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-11-14-23
- Ash, E., Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2021). Economic Interests, Worldviews, and Identities: Theory and Evidence on Ideational Politics. *NBER Working Paper*, 29474. <http://www.nber.org/papers/w29474>
- Berman, E. (2022). *Thinking like an economist: how efficiency replaced equality in U.S. public policy*. Princeton University Press.
- Markey-Towler, B. (2019). The Competition and Evolution of Ideas in the Public Sphere: a New Foundation for Institutional Theory. *Journal of Institutional Economics*, 15(1), 27–48. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000061>
- Mikloš, I. (2021). Three Models of Post-Communist Transformation and Lessons Learned. *Central European Business Review*, 10(2-special), 43–61. EDN: KKAZQL. DOI: 10.18267/j.cebr.277
- Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2018). The Political Economy of Ideas: On Ideas versus Interests in Policymaking. *NBER Working Paper*, 24467. <http://www.nber.org/papers/w24467>
- Roos, M., & Reccius, M. (2024). Narratives in Economics. *Journal of Economic Surveys*, 38(2), 303–341. EDN: WBQHOW. DOI: 10.1111/JOES.12576
- Rothbard, M. N. (1983). *The Mystery of Banking*. New York: Richardson and Snyder, Dutton.
- Svetlova, E. (2022). AI Meets Narratives: the State and Future of Research on Expectation Formation in Economics and Sociology. *Socio-Economic Review*, 20(2), 841–861. EDN: JJKJMA. DOI: 10.1093/ser/mwab033
- Tuckett, D., Holmes, D., Pearson, A., & Chaplin, G. (2020). Monetary Policy and the Management of Uncertainty: A Narrative Approach. *Bank of England, Staff Working Paper No. 870*.

References

- Ash, E., Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2021). Economic Interests, Worldviews, and Identities: Theory and Evidence on Ideational Politics. *NBER Working Paper*, 29474. <http://www.nber.org/papers/w29474>
- Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). Social Contract in Russia: Before and After 2022. *Journal of Institutional Studies*, 14(3), 74–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090>
- Berman, E. (2022). *Thinking like an economist : how efficiency replaced equality in U.S. public policy*. Princeton University Press.
- Buzgalin, A. (1993). Russian economic theory: from crisis to new paradigm? *Voprosy Ekonomiki*, 1, 42–52. (In Russ.).
- Buzgalin, A. V. (2014). Renewal of Russian Economic System: Necessity of Rejection of “Market Fundamentalism”. *Problems of Modern Economics*, 51(3), 53–55. (In Russ.).
- Chubais, A. B. (2000). *Birth of a host. Russian-style privatization*. Moscow: Vagrius Publishing house. (In Russ.).
- Friedman, M. (1982). *Capitalism and Freedom*. New York: Chalidze Publications. (In Russ.).
- Gaidar, Ye. T. (2013a). Liberalism: no way without democracy. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 7, pp. 105–110). Moscow: Publishing House “Delo” RANEP. (In Russ.).
- Gaidar, Ye. T. (2013b). Russia and reforms. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 31–43). Moscow: Publishing House “Delo” RANEP. (In Russ.).
- Gaidar, Ye.T. (2013c). Difficult way from socialism. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 43–62). Moscow: Publishing House “Delo” RANEP. (In Russ.).

- Gaidar, Ye. T. (2013d). Is it possible to slow down hyperinflation? *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 74–76). Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa. (In Russ.).
- Gaidar, Ye. T., & Matyukhin, G. G. (2013). Memorandum on the economic policy of the Russian Federation. *Collection of works in 15 vol.* (Vol. 6, pp. 10–31). Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa. (In Russ.).
- Glazyev, S. Yu. (1998). “Washington consensus” and scientific-technical progress in Russia. *Economics of Contemporary Russia*, 5, 39–46. (In Russ.).
- Grigoriev, L. M. (2012). Chronology of reforms. Economic reforms of the end of the 29th century: experience and lessons of modern history. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1, 11–23. (In Russ.).
- Hayek, F. (1989). Competition as a Procedure of Discovery. *World Economy and International Relations*, 12, 5–14. (In Russ.).
- Hayek, F. A. von. (1996). *Denationalisation of Money*. Moscow: Institute for National Model of the Economy. (In Russ.).
- Keynes, J. M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest, and Money. Selected works*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Khaitkulov, R. G., & Shestakov, D. E. (2012). Russian economic reforms: history of the evolution of concepts. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1, 54–78. (In Russ.).
- Kleiner, G. B. (2005). Modernizing economy and “cultivating” institutions: a view “from beneath”. In *Modernizing economy and cultivating institutions* (Vol. 1). Moscow: HSE Publishing house. (In Russ.).
- Kochurova, L. I., Kharlampenkov, E. I., Kleshchevskiy, Yu. N., Engel, S. L., & Andreev, V. V. (2020). Specific Features of Russian Economy Development on the Current Stage. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 17(6), 45–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-6-45-53>
- Lushin, S., & Pashkovsky, V. (1992). Inflation processes in the country’s economy: sources and prospects. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 3–12. (In Russ.).
- Markey-Towler, B. (2019). The Competition and Evolution of Ideas in the Public Sphere: a New Foundation for Institutional Theory. *Journal of Institutional Economics*, 15(1), 27–48. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000061>
- Mau, V. A., & Kuzminov, Ya. I. (2013). *Strategy-2020: New model of growth – new social policy. Finalized report on the results of expert estimation of the topical issues of Russia’s social-economic strategy up to 2020. Book 1*. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa. (In Russ.).
- Mikloš, I. (2021). Three Models of Post-Communist Transformation and Lessons Learned. *Central European Business Review*, 10(2-special), 43–61. <https://doi.org/10.18267/j.cebr.277>
- Mises, L. (2001). *Theory and history: Interpretation of social-economic evolution*. Moscow: UNITY-DANA Publishing house. (In Russ.).
- Mises, L. (2005). *Human activity: treaty on economic theory*. Chelyabinsk: Sotsium Publishing house. (In Russ.).
- Mukand, Sh., & Rodrik, D. (2018). The Political Economy of Ideas: On Ideas versus Interests in Policymaking. *NBER Working Paper*, 24467. <http://www.nber.org/papers/w24467>
- Nozdran, N. (1993). Monetary aggregates: experience of transitional period in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 96–103. (In Russ.).
- Nozdran, N., & Berezin, I. (1993). Monetary aggregates: theory and practice. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 30–39. (In Russ.).
- Pakhomov, A. A. (2021). Market Status of Russian Economy: Some Aspects of Theory and Practice. *Russian Economic Development*, 28(6), 12–17. (In Russ.).
- Polterovich, V. M. (2007). *Elements of the theory of reforms*. Moscow: Ekonomika Publishing house. (In Russ.).
- Polterovich, V. M. (2009). Forming the national innovative system. *Economics and Mathematical Methods*, 45(2), 3–18. (In Russ.).
- Polterovich, V. M. (2017). Developing the strategies of social-economic development: science versus ideology. *Issues of Economic Theory*, 1, 55–65. (In Russ.).
- Rakitskaya, G. (1992). Ergatocracy in economy as a constituent of social protection. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 29–36. (In Russ.).
- Roos, M., & Reccius, M. (2024). Narratives in Economics. *Journal of Economic Surveys*, 38(2), 303–341. <https://doi.org/10.1111/JOES.12576>
- Ross, J. (1992). Why did economic reform fail in Eastern Europe and Russia and succeed in China? *Voprosy Ekonomiki*, 11, 42–52. (In Russ.).
- Rothbard, M. N. (1983). *The Mystery of Banking*. New York: Richardson and Snyder, Dutton.
- Schumpeter, J. (2012). Science and Ideology. In D. Hausman (Ed.), *Philosophy of Economics*. Moscow: Izd. Instituta Gaydara.
- Shkaratan, O. I. (2006). Comments. In L. M. Grigoriev, *Chronology of Reforms. Preprint WP11/2006/01* (p. 34). Moscow: HSE Publishing house. (In Russ.).
- Shmelev, N. (1992). Closest priorities. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 3–9. (In Russ.).
- Svetlova, E. (2022). AI Meets Narratives: the State and Future of Research on Expectation Formation in Economics and Sociology. *Socio-Economic Review*, 20(2), 841–861. <https://doi.org/10.1093/ser/mwab033>
- Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas and Interests, Economic Policy and Institutions. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 26–45. (In Russ.).
- Tambovtsev, V. L. (2024). Economic ideology: Versions of the concept’s acceptations and application. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 5–27. (In Russ.).
- Taranukha, Yu. V. (2018). Adam Smith’s “Invisible Hand”: Content and Role. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 162–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086904990002758-5>
- Tuckett, D., Holmes, D., Pearson, A., & Chaplin, G. (2020). Monetary Policy and the Management of Uncertainty: A Narrative Approach. *Bank of England, Staff Working Paper No. 870*.

- Vikhansky, O. (1992). Who will lead towards the market? *Voprosy Ekonomiki*, 1, 10–18. (In Russ.).
- Volchik, V. V. (2024). Ideology and Narrative Economics. *Terra Economicus*, 22(3), 21–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33>
- Volchik, V. V. (2025). Ideological Drift in Russian Economic Science. *Journal of Institutional Studies*, 17(2), 133–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145>
- Volchik, V. V., Maslyukova, E. V., Marian, P. A., & Skryabin, M. V. (2024). An Empirical Study of the Ideological Component in Russian Economic Science. *Journal of Institutional Studies*, 16(4), 42–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059>
- Yakovleva, E. N. (2021). Managing economic climate security: theoretical and applied aspects. *Vestnik universiteta*, 11, 14–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-14-23>
- Yuzhakov, V. A. (2023). Mobilization Economy: Into the Future through the Past. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 481(11), 176–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-481-11-176-187>
- Zhavoronkova, N. G., & Shpakovsky, Yu. G. (2021). Foreign Regulatory Expansion in Environmental Regulation. *Lex russica*, 74(6), 56–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.056-067>

Вклад авторов

В. В. Вольчик – концепция статьи, работа с научной литературой, качественный анализ источников, выделение и анализ теоретических нарративов.

И. М. Ширяев – концепция статьи, качественный анализ источников, анализ теоретических нарративов, работа с научной литературой.

Author's contribution

V. V. Volchik – the article concept, working with scientific literature, qualitative analysis of sources, distinguishing and analyzing theoretical narratives.

I. M. Shiryayev – the article concept, qualitative analysis of sources, analysis of theoretical narratives, working with scientific literature.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.07.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 17.08.2025

Дата принятия в печать / Accepted 18.08.2025